

Г. Хазагеров

Аргументы *ad hominem*, или “Ты меня уважаешь?”

Уолтон Д. *Аргументы ad hominem* / Пер. с англ. Н.Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.

– Делать замечания незнакомым людям –
очень грубо! – наставительно сказала
Алиса. – Так меня учили!
Шляпа сделал большие глаза – видимо, это
замечание его сильно удивило. (Хорошень-
ко подумав, его можно понять!)

Л. Кэрролл. “Алиса в стране чудес”

Аргументы *ad hominem* (“к человеку”), именуемые в народной риторике “переходом на личности”, представляют собой тип аргументации, мало и путано освещенный в современной литературе и в то же время весьма часто используемый. Известный в России англоязычный словарь риторических терминов дает два значения для *argumentum ad hominem*: 1) оскорбление личности оппонента; 2) построение аргументации на знании личности оппонента [Lancham. P. 16].

Как видим, разведение двух значений проведено нечетко, а приводимый пример, как сказано в самом же словаре, реализует сразу оба значения. В качестве примера приводится остроумное высказывание У. Черчилля о К. Этли (британском премьер-министре в 1945–1951 годах): “Он был скромным человеком, при том что у него было много поводов быть таковым”.

Словарь также отсылает к статье о логических ошибках – *fallacy (logical)*, в которой выделяются два вида таких ошибок: формальные (нарушение правил силлогизма) и неформальные, куда входят *ad hominem*, определяющиеся здесь как “унижение личности говорящего вместо того, чтобы критиковать его аргументацию” [Lancham. P. 50].

В отечественной традиции эти аргументы либо отождествляются с психологическими доводами, либо рассматриваются как разновидность таких доводов. Так, в словаре “Культура русской речи”, единственном пока издании, сколько-нибудь полно отражающем риторическую терминологию, аргументы *ad hominem* не упоминаются вообще, но называются доводы к личности (*ad personam*), противопоставленные доводам по существу (*ad rem*) как психологические доводы – доводам логическим. Причем среди доводов к личности выделяются “доводы к личности в узком смысле слова”, к которым, судя по всему, и относится оскорбление оппонента. Эти доводы рассматриваются в словаре как нежелательные.

В классической риторике доводы *ad hominem* корреспондируют с четвертым статусом – “статусом отвода” (*translationis*), когда обвинение может быть отклонено ввиду той или иной несостоятельности обвинителя, скажем, его причастности к рассматриваемому преступлению. Предполагается, что этот статус является для защиты последней линией обороны. Этому соответствует такой пассаж из книги Дугласа Уолтона: “Иногда недостаток доверия к обвиняющему – единственное свидетельство, к которому может прибегнуть защита. Если нет возможности уцепиться за это обстоятельство, обвинение может оказаться неопровержимым” [Уолтон. С. 308]. Такой прием также оказывается весьма распространенным, например, в практике современного политического пиара. “Унижение личности говорящего вместо того, чтобы критиковать его аргументацию”, здесь

оказалось настолько типичным явлением, что получило специальное обозначение – “черный пиар”. Однако для Уолтона рассматриваемый тип аргументации не сводится только к этому случаю.

Книга Дугласа Уолтона написана с нормативных позиций, естественных для логика и характерных для так называемой прескриптивной, то есть предписывающей, риторики. Именно эти позиции заставляют автора взвешенно и дифференцированно подойти к аргументам *ad hominem*. Вообще же ключевым словом, характеризующим эту работу, можно считать слово “вдумываться”. Автор постоянно озабочен разведением понятий и казусов, установлением логических дистинкций – разведением сходных понятий. Что такое довод *ad hominem*? Какие разновидности доводов он включает? Всегда ли он недопустим или есть случаи, когда он коммуникативно оправдан? Вот вопросы, которыми все время задается автор. Именно это и делает его книгу чрезвычайно полезной и адекватной сегодняшней ситуации, причем российской ситуации – никак не меньше, а может быть, и больше, чем американской, которая и стимулировала появление этой книги.

Одна из зримых опасностей, грозящих сегодня нашей гуманитарной культуре, – культурный редукционизм, упрощенный взгляд на вещи, ведущий к синкретическому слиянию сложных нюансировок в одном понятии. Это очень ярко проявляется в жаргонизации литературного языка. Жаргонное слово, будучи семантически емким, броским, эмоционально нагруженным, выглядит привлекательно и широко используется СМИ. Однако побочный эффект его использования состоит в том, что оно отучает нас вдумываться в сложности, то есть действует как раз в том направлении, которое противоположно основному пафосу книги Д. Уолтона. В условиях дефицита терминов жаргонизация проникает и во “второй этаж” дискурса – в нашу рефлексивность по поводу речи, способов убеждения аудитории и воздействия на нее. Приведенное выше выражение “черный пиар” – яркое тому доказательство. Употребляясь фактически на правах термина, то есть инструмента Познания, выражение “черный пиар” на деле является лишь метафорой-ярлыком, затемняющим риторический анализ публицистики. Само обозначение *ad hominem* (или за

его отсутствием – “переход на личности”) становится маркером, которым, игнорируя логические различия, можно метить и грешное, и праведное. В этом контексте полезность книги Уолтона представляется несомненной.

К сказанному надо добавить, что нормативный аспект в современной отечественной риторике представлен очень слабо. Это объясняется давним разрывом с традициями прескриптивной, то есть предписывающей риторики и закреплением ее функций за новой дисциплиной – “культурой речи”. При этом культура речи, что в общем-то естественно, не проявляет специальной заботы о логической стороне речи. В этом смысле нормативно-логическая ориентация переводных книг по риторике вызывает у неподготовленного российского читателя некоторое удивление. Возникает ощущение, что зарубежный автор вместо того, чтобы говорить об убеждающей силе того или иного аргумента и оценивать его психологическую силу, занимается установлением каких-то чуть ли не бюрократических дефиниций. Неподготовленному читателю становится скучно. К тому же он интуитивно чувствует, что восточноевропейская традиция никогда не была так строга к аргументам типа *ad hominem*, как традиция западноевропейская. Отсюда активное использование в аргументации категории характера, например, обширные психологические экскурсы, к которым прибегали русские судебные ораторы конца XIX – начала XX века. Чтобы оценить книгу Уолтона, такому читателю, скучающему над логикой и ждущему психологических чудес, придется преодолеть определенный культурный барьер. Однако, не преодолев этого барьера, он так и не сможет серьезно задуматься над феноменом аргументации *ad hominem* и обречет себя на поверхностное понимание проблемы – критиковать оппонента нельзя.

Особый интерес для российской аудитории может представлять заключительная глава книги Уолтона “Оценка аргументов *ad hominem*”, где уточняется само понятие “ошибка” – относительно аргументации. Автор противопоставляет погрешность в рассуждении вообще (*errors*) собственно ошибкам (*fallacies*) – как их недопустимому виду и подчеркивает важность распознавания

последних. Опираясь на понятие “диалектическая релевантность аргументации” (рассмотрение аргументации с точки зрения вклада в данный тип диалога), Уолтон показывает связь между типами диалога и оправданностью, релеванностью применения аргументов ad hominem. “Аргумент, релевантный в критической дискуссии, – справедливо замечает автор, – может быть нерелевантен в диалоге-исследовании” [Уолтон. С. 302]. Однако наряду с типом диалога в установлении диалектической релевантности играют роль такие факторы, как стадия диалога, цель диалога, аргументационная схема, последовательность предыдущих аргументов, речевые события. Вообще диалектическая релевантность аргументации – очень мощная категория, так как вооружает нас здоровым функциональным критерием. Ясно, например, что одни качества личности, пусть и заведомо отрицательные, никак не отражаются на надежности этой личности как партнера по диалогу, другие же, напротив, имеют к этой надежности прямое отношение. Если мы узнаем об авторе теоремы, что он плохо обходился с женой, это не может поколебать доказательства теоремы. Но если мы узнаем, что некто скло-

нен приводить недостоверные факты, а его аргументация зиждется именно на фактах, мы должны отнестись к этой аргументации по меньшей мере без полного доверия.

Книга Дугласа Уолтона “Аргументы ad hominem” требует внимательного, вдумчивого чтения. И все же это чтение нельзя назвать сложным. Книга написана живо и увлекательно, и каждый значительный поворот мысли подкреплен яркими примерами. Книга, безусловно, вооружит российского читателя аппаратом, необходимым для критического анализа убеждающих текстов, и поможет преодолеть поверхностные стереотипы восприятия аргументов ad hominem. ■

Литература

Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под общим руководством Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: “Флинта”, “Наука”, 2003.

Уолтон Д. Аргументы ad hominem / Пер. с англ. Н.Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.

Lanham R. A handlist of rhetorical of terms. Berkeley and Los Angeles: University of California press, 1968.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– Что такое, по Вашему мнению, “валовой внутренний продукт”? Как Вы понимаете это словосочетание?

– Я не могу ответить на этот вопрос, такая информация является засекреченной.

– Как Вы понимаете выражение “общественные организации”? Что, по Вашему мнению, оно означает?

– Собираются и переживают за весь народ.

– Назовите, пожалуйста, проблемы, которые Вас беспокоят, мешают жить Вам и таким людям, как Вы, живущим в вашем регионе.

– Нестабильно работает спиртзавод.

– К каким именно положительным последствиям приведет смягчение наказаний за незначительные уголовные преступления?

– Улучшится благосостояние народа.

– По Вашему мнению, какие люди или группы людей, наделенные властью, чаще всего обманывают рядовых граждан?

– ЗАГС.

– Почему Вы считаете, что, выходя замуж, женщина обязательно должна брать фамилию мужа?

– Чтобы знать, чья она жена.

– На Ваш взгляд, что улучшилось за последний год в России?

– Погода.

(Из опросов ФОМа)